

ник представляет собой не только образец высокого текстологического уровня, но и хорошей документированности помещенных в нем материалов.

Несомненный интерес вызовут у читателей статьи «Приложения». Р. В. Каменецкая опровергает сложившееся в науке мнение, что старожилы Заполярья, сохранив русский язык XVI—XVII вв. и богатый фольклор, переняли у окружающих их сибирских народов основные отрасли хозяйства и материальную культуру. Появившиеся в последнее десятилетие фундаментальные исследования историков, этнографов и археологов, посвященные русскому населению Сибири и Европейского Севера, дают основания полагать, что основными занятиями русского населения Европейского Севера задолго до выхода его в Сибирь были арктическое промысловое мореплавание, охота и рыболовство, т. е. существовал полярный вариант севернорусской культуры. А те черты в материальной культуре, которые связывают русских с соседними народами, присущи населению всего побережья Ледовитого океана. Автор показывает, что русские старожилы Колымско-Индибирского края довольно полно сохранили традиционные формы хозяйства, принесенные из европейской части России. Об этом, в частности, свидетельствует старожильческая терминология мест, способов и орудий лова, приемы возведения жилищ и других хозяйственных построек.

Основной вывод исследования говора русских старожил на Нижней Индигирке, содержащийся в следующем разделе — статье М. Ф. Дружининой, состоит в том, что нижнеиндигирский русский говор имеет много общего с севернорусским наречием, хотя многие факторы, обнаруживаемые в его фонетической системе и грамматическом строе, могут быть связаны с иноязычными соседями русскоустыинцев. О большой доле севернорусского компонента в сложении русского населения по р. Индигирке пишет в историческом очерке А. Г. Чикачев. Однако, касаясь преданий русскоустыинцев, повествующих о том, что их предки прибыли сюда морским путем прямо из России, автор говорит, что достаточных исторических свидетельств в пользу их достоверности нет. Больше данных, что русскоустыинцы прибыли в низовья Индигирки с юга. Любопытно, на наш взгляд, замечание автора, что, по преданиям, предки теперешних жителей Русского Устья были выходцами в основном из северо-западных русских губерний. В этой связи вспоминается статья Д. К. Зеленина «О происхождении северновеликоруссов Великого Новгорода» (Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР. М., 1954, № 6), в которой автор привлекает материалы по диалектологии Русского Устья для доказательства своего вывода об участии западнославянского компонента в сложении населения Севера Европейской России. К сожалению, эта важная и интересная статья Д. К. Зеленина выпала из поля зрения исследователей.

К числу недостатков сборника можно отнести, на наш взгляд, малое число иллюстраций, хотя, по всей вероятности, это вызвано небольшим листажом. Остается пожелать, чтобы в ближайшем будущем вышел очередной том, посвященный Русскому Устью, где бы такой материал был представлен. Ведь многие стороны культуры и быта русскоустыинцев, в частности народное изобразительное искусство, остались неосвещенными.

В заключение хочется выразить благодарность коллективу авторов за большой, интересный и нужный труд.

С. И. Дмитриева

М. Б. Канделаки. Из общественного быта горцев Грузии — институт аманатства. Тбилиси. 1987. 140 с.

Изучение общественного быта — традиционная тема для кавказоведческих исследований. Библиография специальных работ насчитывает к настоящему времени не одну сотню названий как в дореволюционной, так и в советской историографии вопроса. Теперь к этому внушительному списку присоединилась и рецензируемая монография М. Б. Канделаки, научного сотрудника Института истории, археологии и этнографии им. акад. И. А. Джавахишвили АН ГССР.

Исследование М. Б. Канделаки территориально ограничено горными областями Грузии — Хевсурети, Пшави, Тушети, Мтиулету, Гудамакари, Хеви. Интерес автора к этому региону вполне закономерен. Вплоть до начала XX в. устои общественной жизни горцев сохраняли значительную традиционность, а нормы повседневного быта во многом определялись архаическими патриархально-родовыми институтами. Одним из таких архаических институтов было аманатство, первоначальное зарождение которого автор справедливо относит к эпохе доклассовой формации.

Аманатство не было исключительно грузинским явлением. М. Б. Канделаки верно указывает, что это «явление общекавказского масштаба» (с. 5). Именно так аманатство и зафиксировано в специальной литературе, где оно рассматривается как широко разветвленный комплекс специфических обычаев и норм. Однако М. Б. Канделаки продемонстрировала — и это одно из достоинств книги, — что под термином «аманатство» оказались объединенными внешне похожие, но стадийно и типологически весьма различные явления. Сюда относятся широко практиковавшийся обычай принятия в общину чужеродца, содержание заложников, передача какой-либо вещи на хранение, наконец, — что было характерно для грузинских горцев — в категорию аманатов попадали гости, находившиеся в общине, мужья-примаки, дети-сироты и др. Таким образом содержание термина «аманат» крайне расплывчато и неоднозначно. Это — следствие того, что при заимствовании из арабского слово «аманат» помимо основного значения приобрело ряд дополнительных, что само по себе не такой уж редкий случай. Попутно

замечу, что осторожное предположение автора о возможности проникновения термина «аманат» в грузинскую среду в эпоху древнейших картвело-семитских контактов IV—III тыс. до н. э. вряд ли соответствует действительности — контакты не были столь глубоки. Второе допущение автора — о заимствовании термина во время арабских походов на Кавказ VII—IX вв. — правдоподобнее, тем более что именно к этому времени относится его появление в языках других народов Кавказа. Что же касается исконно грузинских терминов «мибаребули», «шемохизнебули», «гадагандзули», «шемонартвебули» и др., то они не вторичны по отношению к иноязычному «аманат», как полагает автор, а наоборот, первичны; к ним впоследствии присоединилось синонимичное арабское заимствование.

Из многообразных норм и обычаев, объединенных в специальной литературе понятием «аманатство», автор избрал для конкретного изучения традиционный порядок, по которому человек, вынужденный покинуть родную общину (чаще всего из-за угрозы кровомщения), вступал под покровительство другой, становился «аманатом». Переход индивида из одной общины в другую был сопряжен с рядом сопутствующих явлений, связанных с социальными, экономическими, идеологическими основами патриархального горского быта. Соответствующие нормативные комплексы были настолько укоренены в народной традиции, играли в ней столь важную и существенную роль, что М. Б. Канделаки считает их одной из институализирующих основ общественной жизни горцев Грузии. Рассмотренный автором материал убеждает в правомерности такого подхода.

В поле зрения М. Б. Канделаки попадает весь комплекс проблем, связанных с аманатством. Автор анализирует причины аманатства, обычаи принятия в аманаты, имущественное положение аманата, реконструирует связанные с аманатством идеологические представления, проводит сопоставление со сходными социальными институтами. Отличительной чертой исследовательского метода М. Б. Канделаки является скрупулезный, детализированный подход к анализируемым фактам. Автор постарался учесть мельчайшие штрихи, локальные вариации института аманатства, которые рисуются на основе архивных и литературных источников, а также собранного полевого материала — как оказалось, факты реального функционирования в быту аманатства хорошо сохранились в памяти старшего поколения информаторов. В результате М. Б. Канделаки удалось дать полное и всестороннее описание этого социального института. Анализ собранного материала позволил автору выйти на следующий уровень исследовательской работы и показать механизм функционирования и роль аманатства в традиционном общественном быту горцев Грузии. В этом отношении исследование М. Б. Канделаки выгодно отличается от ряда других работ, также затрагивающих проблемы аманатства, но ограничивающихся лишь более или менее подробной дескрипцией этнографических фактов.

В то же время несколько удивляет сделанное во введении заявление о том, что автор избегал «полемики с различными частными теориями, стремясь опровергнуть их позитивно, своими гипотезами» (с. 7). Думается, что автор сделал это напрасно. Зачем было лишать интересное исследование живой полемической ноты? По существу вопросов, рассмотренных М. Б. Канделаки, есть немало альтернативных мнений, поэтому не «заочное», а наглядное противопоставление им позиции автора повысило бы, на мой взгляд, познавательную ценность книги.

Впрочем, автору полностью сдержать данное обещание не удалось и в ряде случаев он открыто полемизирует с кажущейся ему неверной точкой зрения. Так, мне представляется справедливой высказанная автором критика положений Ж. Г. Эриашвили, квалифицирующей связь аманата и его покровителя как отношения господства-подчинения. Исследование М. Б. Канделаки убедительно свидетельствует, что институт аманатства основывался на достаточно демократических нормах, которые соответствовали уровню социально-экономического развития горных обществ Грузии.

В то же время я не могу разделить точку зрения автора в его полемике с В. Дж. Итонишвили. М. Б. Канделаки отрицает, что принятие аманатом фамилии покровителей означало установление нового уровня связей между ними, которые, по мнению В. Дж. Итонишвили, по существу совпадали с кровнородственными. М. Б. Канделаки считает, что в любом случае аманат представлял «совершенно иную, отличную от покровителей генеалогическую линию» (с. 81), а соблюдение отныне аманатом экзогамных запретов по отношению к новым однофамильцам было лишь проявлением территориальной экзогамии — обычая, по которому даже в полигинных общинах браки старались заключать с лицами из других селений.

Однако перемена аманатом фамилии связывала его не только соответствующим экзогамным запретом, но и рядом других обязанностей, например обязанностью кровомщения за обиду, нанесенную новым родственникам, — в традиционных обществах это уже неотъемлемая черта кровнородственных отношений. Что касается факта «иной генеалогической линии», то традиционное сознание им легко пренебрегало. В классическом роде, например, реальное родство могло быть прослежено только в пределах конкретного линиджа, тем не менее все сородичи осознавали себя кровными родственниками. Это делало естественным вхождение в родовой коллектив чужеродца после того, как были выполнены все ритуалы, сопровождавшие обычай адаптации. Прекрасно описанная М. Б. Канделаки сложная система обрядово-ритуальных действий при перемене аманатом фамилии также свидетельствует, что данное событие воспринималось его участниками как экстраординарное, соответствующее важности факта включения аманата в новую систему кровнородственных связей.

Поэтому трудно согласиться с утверждением М. Б. Канделаки, что факт замены аманатом своей фамилии новой — «бесспорное свидетельство нарушения (распада) кровнородственных основ общества, подрыв некогда всемогущественного родства» (с. 124).

Кровнородственные связи распались, но свидетельства этого были совсем другие. Ведь разрыв аманата со своим родственным коллективом был вынужденным поступком единственно возможной реакцией на чрезвычайные обстоятельства. Окончательная же инкорпорация его в чужую общину завершалась именно при условии вступления аманата в новые кровнородственные отношения — единственное, что могло гарантировать ему полную социальную защиту. Таким образом, факт перемены фамилии как раз свидетельствовал о действительности кровнородственных связей, вернее, представлений о них, которые, как показало исследование М. Б. Канделаки, еще в XIX в. были весьма сильны в горных районах Грузии.

Однако если стремление беглеца стать аманатом какой-либо общины понятно, то возникает вопрос, чем руководствовалась община при приеме аманата под свое покровительство. М. Б. Канделаки убедительно связывает это с ее экономическими интересами, так как могущество и сила общины были прямо связаны с числом входивших в нее общинников.

Хотя в настоящей рецензии мы согласились не со всеми положениями автора, тем не менее сама возможность подумать над вопросами, поднятыми М. Б. Канделаки, делает исследование ценным и полезным. Опубликованное на русском языке, оно доступно широкому кругу исследователей. Без сомнения, работа М. Б. Канделаки будет интересна всем, кто занимается разработкой проблем генезиса и функционирования социальных институтов в традиционных обществах.

Ю. Д. Анчабадзе

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Dějiny hmothé kultury/Za red. Petrane J. T. I. Č. 1—2. Praha, 1985. 997 s. 32 obr. příl.

«История материальной (или, точнее, вещественной) культуры» — так названа многотомная публикация, к выпуску которой в качестве пособия для учителей и всех, изучающих историю, приступило Пражское государственное педагогическое издательство. Первый том, состоящий из двух частей с общей пагинацией, включает шесть глав, пять из которых посвящены изложению истории чешской материальной культуры в более широком европейском и мировом контексте. В состав авторского коллектива, который возглавил известный чехословацкий историк Йозеф Петрань, вошли М. Бухвалдек, Т. Дурдик, В. Миховский, Л. Петранева, Й. Слама и М. Тиха. «Вещественная культура, — указывает Й. Петрань, — включает факты основной производственной деятельности человека и ее результаты, которые обеспечивают вещественные (жизненные) потребности его образа жизни. Поэтому она тесно связана с экономическим базисом, являющимся посредником материальной жизни и в социальной сфере и создающим в классовом обществе ее классовую структуру, что влияет и на область надстройки как категории общественного сознания. Вещественную культуру, однако, нельзя отождествлять с экономическим базисом общества, так же как общественное сознание нельзя отделять от духовной культуры, хотя она с ней и не тождественна» (с. 57).

Авторы опираются на разнообразный круг источников: археологических, письменных, иконографических, этнографических и других, характеризуя их информационную и функциональную роль во второй главе (с. 108—135). Рассматривая само понятие исторического (в широком смысле) источника, автор главы В. Миховский преимущественно опирается на работы чехословацких и польских (Г. Лабуда, Е. Топольский) ученых. Судя по приложенной к главе библиографии, работы В. А. Дьякова, В. В. Фарсобины, С. О. Шмидта и других советских историков, специально разрабатывающих источниковедческую проблематику, использованы не были.

Основное место в рассматриваемом труде занимает история культуры повседневности с древних времен до XV в. включительно, причем в качестве внутреннего рубежа выбран конец XII в. Периодизация, которой придерживается авторский коллектив, диктуется глобальным подходом к трактовке этапов развития европейской цивилизации. Раскрывая смысл этого подхода, Й. Петрань пишет: «Только в XII и XIII вв. Европа приблизилась к нашим представлениям о феодализме с крепостным крестьянством, дворянством и городами, с сословными корпоративными институциями и их участием в политической власти, представлениям, близким нашему пониманию прежде всего потому, что этот тип феодальной цивилизации сохранился по меньшей мере до конца XVIII в., а его культура кое в чем сохранялась и позже или оставила свидетельства, понятные в современных условиях. На протяжении этих двух столетий из дотоле тесных форм архаического европейского общества, созданного первобытной аграрной цивилизацией, складывались европейские страны, одни скорее, другие медленнее, постепенно или ускоренным темпом» (с. 233).

Можно было бы, конечно, подвергнуть некоторым сомнениям истинность приведенного суждения, которое, с одной стороны, не учитывает всего многообразия истории и культуры народов феодальной Европы (в том числе ее восточного региона или Скандинавии), а с другой — не проводит различия между культурой развитого и